

Семен Липкин

Записные книжки

Первая публикация

Записная тетрадь в матерчатой обложке с орнаментом из цветов, видимо, была подарена Семену Израилевичу иностранцем. На первой ее странице по-английски написано: «This book belongs to...» – то есть «Эта книга принадлежит...». Если бы Семен Израилевич владел английским, он бы заполнил пустующую строчку своим именем. Первая запись в тетради датирована 18 марта 1992 года, последняя – 17 декабря 1997 года. Дневниковые записи перемежаются стихами, а с июля 1993 года в ней только стихи. Почти все они ныне опубликованы. Семен Израилевич отмечал дни, когда стихотворение начато и кончено. Вот, к примеру:

1.5.95.

Письмо И. Л.

Я тебе напишу оттуда
Не пером, не карандашом,
А внестрочным звездным дождем.
И сначала тебе это чудо
Заурядным покажется сном.
Я тебе сообщу, что не плотью
Оказалась почва светил,
Сообщу, что я там открыл
Не одежду истлевших лохмотья,
А живое сияние крыл.

6.5.95

Эту тетрадь он брал с собой и в Гамбург, куда он был приглашен после получения «Пушкинской премии» по литературе. У Семена Израилевича, да и у мамы, были блокноты и тетради везучие и невезучие, везучие заполнялись полностью. Последнее стихотворение в тетради – «Среди могил», кончается оно так: «Есть горькое счастье – поплакать / Над теми, с кем близок ты был».

Семен Израилевич прожил долгую жизнь, и «горькое счастье» не обошло его стороной. Эпик по сути своей, он воссоздал картину эпохи через портреты тех, «с кем близок был», достаточно упомянуть такие книги, как «Сталинград Василия Гроссмана»* и «Квадригу»**.

Рассуждения об устройстве мироздания, ошибках Бога и Его творения – человека, иудаизме и христианстве, сущности творчества, советской системе и механизме уничтожения человеческого в человеке – вот темы записок 1992-1993 гг. Видно, как мысль, развивающаяся в прозе, кристаллизуется в стихотворении, как меняется почерк – возникшие строфы пишутся наскоро, с поправками, а рядом – аккуратно переписанное стихотворение, без единой помарки. Правил он и заметки в тетради. Одна из них, «Загадка человека», была опубликована в периодике.

Елена Макарова

На пепельницы черепа***

18.3.92

Советский период русской литературы многие (справедливо) обозначают как ангажированный, лакейский и даже (несправедливо) как бесталаный. Обозначения весьма приблизительные. Сущность дела в другом. Впервые в истории человечества родилась письменная литература, высшей целью которой стало обоснование жестокости. «Железный поток» Серафимовича,

---

* С. Липкин. Сталинград Василия Гроссмана. – Ардис, Энн-Арбор, 1986, 1-е издание. Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. – М., 1990.

** С. Липкин. Квадрига. Повесть. Мемуары. – М.: «Книжный сад», «Аграф», 1997. 638 с.

*** В. Маяковский. 150.000.000. – Государственное Издательство, Москва, 1921 г. «Вместо нищих / всех миров богатства прикарманьте. / Стар – убивать / на пепельницы черепа!»

«Разгром» Фадеева, «ТБС» Багрицкого*, «Поднятая целина» и «Наука ненависти» Шолохова, «Павлик Морозов» Щипачева – все это утверждение, прославление жестокости. Одно время в литературных кругах пользовалась известностью поэма несчастного Николая Дементьева (напечатанная, кажется, в «Правде»), о директоре комбината, о «начальнике наших работ». К нему приехала (притащилась) старая, нище одетая крестьянка, начальник посмотрел на нее и «вспоминал, вспоминал – вспомнил: маменька!» Вот оно как: начальник работ до того прекрасен, до того увлечен делом строительства комбината, что с трудом узнал свою родную мать, видимо, даже не переписывался с ней. Он, помимо воли автора, стал антиподом чеховского архиерея, который так любит свою бедную безвестную мать, так задушевно добр с ней. Оно и понятно: ведь архиерей занят не строительством комбината, не преданностью государству, а менее важным и даже глупым по советским понятиям делом: преданностью Богу. Порою советские писатели приходили в себя, открывали, что все-таки главное в человеке – любовь, жалость, «милость к падшим». У Лавренева есть рассказ «Сорок первый». Девушка-красноармеец убила сорок белогвардейцев, сорок убила, сорок первого полюбила, но и его пришлось убить: классовое сознание должно быть выше всех человеческих чувств. Нет, вовсе не бесталанна советская литература, если она сумела воспитать в народе чувство преклонения перед жестокостью, сумела ожесточить людей так, что грязное, подлое доноительство, даже на отца, на жену, на мужа, на брата, убийство тысяч неповинных людей, грабеж выселенных земляков, родичей – все это стало не преступлением, а обычным мероприятием, стало бытом, чем-то привычным. Рано справлять поминки по советской литературе, ее дьявольское существо вряд ли умрет и через сто лет. «На пепельнице – черепа» – вот что такое русская литература советского периода. Это она возвеличила, облагородила всех, кто усеял русскую землю черепами трудолюбивых крестьян, черепами мыслителей, поэтов, польских офицеров, кавказских горцев, еврейских поэтов.

* Эдуард Багрицкий, ТБС (1929), это стихотворение осталось в памяти благодаря строкам: «Но если он скажет: «Солги», – солги. / Но если он скажет: «Убей», – убей».

Скоро начнется весенний сев, в свой срок взойдут колосья, и мы, люди, будем есть произрастанья той земли, которую мы усеяли черепами людей, это нас, нас воспела советская литература, нас.

21.3.92

Михаил Светлов не заметил, как написал строку: «Отряд не заметил потери бойца». Как можно было не заметить? Отряд обычно насчитывает человек сорок-пятьдесят, шестьдесят. Я был в таком отряде в окружении в июле-августе 1942 года. Как это можно было не заметить потери бойца? Все на виду. Жестокость. И что ужасно – противоречащая реальности жестокость стихотворца-раба. Дурман жестокости.

24.3.92

Книга Петровых**.

Трудная судьба – и в литературе, и в личной жизни, такой безрадостной. Стихи превосходные. Я боялся, что ранние повредят

** Мария Петровых. Избранное. – М., 1991. С.И. Липкин посвятил ей стихи в «Квадриге». «Нас было четверо: Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский, Мария Петровых и я. Группа называлась «Квадрига». Я написал о «Квадриге» такие строки:

Среди шутов, среди шутих,
Разбойных, даровитых, пресных,
Нас было четверо иных,
Нас было четверо безвестных.

Штейнберг умер, так и не дождавшись своей первой книги. Тарковский, я и Петровых издались очень поздно. Особенно болезненно переживал это Тарковский. Он пробовал издать книгу раньше, написал даже стихи о Сталине, но наверху они не понравились. Противно, конечно, но приходится признать, что такое было. Я издал первую книгу в пятьдесят шесть лет». <http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/lipkin/>

О М.С. Петровых в «Квадриге»:

...А третья нам была сестрой.
Дочь пошехонского священства,

впечатлению, нет, не повредили. Напрасно включили переводы: как и у меня, и Арсика*, у нее переводы не стали органической частью ее оригинальной поэзии. Вот уж поистине: ни ахматовской кротости, ни цветаевской ярости**. В стихах о любви Ахматова властвует, Цветаева упрекает, Петровых молит, вымаливает: назначь мне свидание***. Чудный язык, богатый в своей целомудренной естественности. Энергия униженной, но высокой души. Стихи умнее автора: хороший признак. Заметочка о книге в «Литературке» сердечна, благородна, но, кроме мимоходной похвалы, ничего вразумительного не сказала б одном из серьезнейших поэтов эпохи. О войне, об Армении – по-советски плоско (у нее).

27.3.92

Братья Твардовские

Иван Твардовский**** не просто брат прославленного поэта, он талантливый писатель. Страшно читать о том, как ночью,

---

Объединяя страсть и строй,
Она искала совершенства.
Муж-юноша погиб в тюрьме.
Дитя свое одна растила.
За робостью в ее уме
Упрямая таилась сила.
Как будто на похоронах,
Шла по дороге безымянной,
Но в то же время был размах,
Воспетый Осипом и Анной.
На кладбище Немецком – прах.
Душа – в юдоли богоданной.

* Арсений Тарковский, близкий друг Семена Липкина. Они познакомились осенью 1929 года в доме Штейнбергов. «Наше знакомство превратилось в дружбу. Конечно, были и размолвки, как всегда в таких случаях, но, в общем, тогда началась наша дружба». <http://insocinf.com/ars767654.htm>

** Цитата из стихотворения Марии Петровых (1967).

*** Знаменитые строки Марии Петровых: Назначь мне свиданье на этом свете. / Назначь мне свиданье в двадцатом столетье. (1953)

**** Иван Трифонович Твардовский (1914-2003). <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=37>

в Смоленске, к А. Т. постучались жалкие бродяги – раскулаченные, выгнанные из села его отец, мать, брат, и А. Т. их прогнал. Звериная жестокость, истинная суть и смысл советской власти, ожесточила русских больше, чем другие народы, ибо национальное самосознание малых народов превращает чувство общности в чувство личной ответственности, прежде всего, перед собой. Я уверен, что ни один кавказский горец, ни один татарин, ни один таджик или узбек не поступил бы так с отцом, матерью, братом так, как поступил А. Т. Хочется думать, что так же не поступил ни один еврей. Не потому что они лучше русских, может быть, даже хуже, но советская звериная жестокость сделала так, что национальное самосознание перестало быть у русских самосознанием отдельной личности. У малых народов, у небольших, деспотия не отняла бога: запретила его, но не отняла. У русских отняла. К счастью, бог их не покинул, Он с нами и в них.

28.3.92

Единственный редактор журнала, который отнесся к моим оригинальным стихам скорее благосклонно, был А.Т. Твардовский, с которым я познакомился в 1929 году, когда он, как и я, был безвестным молодым поэтом. Я безвестным остался, он прославился. Софья Григорьевна**** мне посоветовала пойти с новой подборкой прямо в А. Т.: мол, он обижается, если поэты, которых он уже напечатал, не приходят прямо к нему, ограничиваются каморкой С. Г. Среди моих стихотворений было одно, проникнутое религиозным чувством. Я был достаточно опытен, вместо Бога написал другое слово, не помню какое, но умный цепкий глаз А. Т. ухватил ересь. Насмешливо спросил: «Вы что, в Бога верите?». Я пробормотал, что следую традиции русской поэзии. Подборку он напечатал, но преступное стихотворение посоветовал переделать, мне вернул. Грешный, я это сделал.

Его, Твардовского, теперь называют великим. Это слово девальвировано. Ахматова мне о нем сказала: «Лучший из печатающихся». Она, думаю, была слишком строга. Бог даровал Твардовскому поэтический талант. Не знаю, как развился бы этот талант

**** Софья Григорьевна Караганова, заведующая отделом поэзии в журнале «Новый мир».

при проклятом, но таком прекрасном царизме. Молот советской жестокости сильно ударил по Твардовскому, но не убил. Даже в такой туфте, как «Страна Муравия» и «Василий Теркин», чувствуется нешуточный дар автора. А «Дом у дороги», «Я убит подо Ржевом» сияют талантом. Теркин на том свете поступает и думает так, как он должен был поступать и думать на этом свете. А что с нами произойдет на том свете, не знает никто, кроме Данте оттуда никто не приходил. Поэма «По праву памяти» – это попытка таланта выдавить из себя раба, попытка благородная, но что такое вольноотпущенник? Злодей-владелец умер, наследник отпустил раба на волю, но и на воле он раб.

29.3.92

Галина Бови* пела в Переделкине песни на слова русских поэтов – от Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой и даже Фета до Кублановского и Кинжеева. По всеобщему мнению, лучше всех ей удались Георгий Иванов и Инна Лиснянская. Бови хорошо чувствует ритм стиха, у нее на весу каждое слово. Когда Лиснянская говорит о том, что чужая страна мне не снится, / А родная заснуть не дает, – то в этих изумительных строках чувствуется нежность цветка и тяжесть мрамора.

30.3.92

Расул

Здесь Расул**. Изменился сильно: вместо победительности – растерянность, вместо депутатства, лауреатства, славы – ниче-

* Из маминого письма 23.3.1992. «Приехала Галина Бови, пела возле телевизора в нашем корпусе – на браво и ура! Я ей запретила петь меня, ибо эти, почти все люди, которые хватают тебя на улице за лацкан пальто (черное твое-мое еле сходится) и начинают читать стихи, могут понять, что Бови – моя само-реклама. Что не верно. (...) Однако она, в конце концов, не выдержала и под занавес – на браво – спела 3 мои стихотворения».

** Расул Гамзатов (1923-2003), аварский поэт, сын народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы, учился у С. Липкина в Литинституте. На моей памяти это был единственный советский поэт из тех, кого переводил Липкин, кто не побоялся навещать Семена Израилевича в больнице в «Метропольские времена». Будучи секретарем СП СССР, он 17 октября 1986 года написал письмо С. Михалкову, оно хранится в нашем домашнем архиве. Перечислив все заслуги Липкина, Гамзатов пишет: «Сейчас он опытный писатель, тяжело болен и (...) восстановление

го, вместо элитарной Барвихи – плебейское Переделкино. По-прежнему умен, даже чище умен, без хитрости, потому что хитрить не для чего и не с кем. Ко мне ласков, как в те годы, когда был моим студентом. Восторженно хвалит мои стихи и стихи Инны. О «Декаде»*** – ни слова, только очень отдаленный намек: «Мне прислал письмо Автарханов****, ты, говорит, горцев не защитил, а вот Приставкин и Липкин защитили». Обратился ко мне с просьбой: «Вас знают народы Дагестана, напишите им письмо, что дагестанцы, хотя говорят на разных языках, единый народ, а то вот кумыки хотят отделиться». Не напишу, не знают меня народы, знают литераторы, и когда речь идет о судьбе нации, бессмысленно, даже некрасиво, более того, порочно что-либо советовать с позиции «над схваткой».

Как сложилась бы судьба Расула при царе? Судьба талантливого горского поэта? Как у Махмуда? Напрасно думают, что его сделали поэтом переводчики. Некоторые подстрочные переводы его стихов свежее, темпераментнее, чем стихотворения.

1.4.92

Поехал в город, чтобы участвовать в торжественном установлении мемориальной доски в связи со 110-летием со дня рождения Корнея Чуковского. Кусок улицы перед домом огорожен веревками. А на Тверской бушует толпа продающих и покупающих (последних меньше). Люша****, властный и умный организатор, пригласила меня зайти в дом, до митинга осталось минут двадцать. В доме – Нина Глен*****, Либединская*****, Лара

его в члены Союза было бы справедливо и пошло бы на пользу нашей многонациональной литературе».

*** Декада. Роман. Нью-Йорк, «Chalidze Press», 1983. Первое издание. В «Декаде» сказано: «Национальное самосознание прекрасно, когда оно самоосознание культуры, и отвратительно, когда оно самоосознание крови».

**** Абдурахман Автарханов (1908-1997), советолог-историк.

***** Елена Цезаревна Чуковская (1931-2015), внучка Корнея Ивановича.

***** Ника Глен (1928-2005), переводчица с болгарского. В 1958-1963 годах Ника Глен была литературным секретарем Анны Ахматовой. Была близка с Марией Петровых, сделала одну из немногих сохранившихся аудиозаписей ее авторского чтения, была составителем посмертного «Избранного» Петровых (1991).

***** Лидия Либединская (1921-2006), литератор.

и Володя Корниловы* (он на меня почему-то взглянул недружелюбно), бывшая жена Паперного, кажется, Озерова**, Фина***. На подоконнике и на столе – абрикосы, яблоки, печенье, вино и прочее в заграничных бутылках: видно, будет небольшой пирок. Лидия Корнеевна**** у себя, лежит, у нее 24 марта, говорит Фина, был мозговой криз, лечит ее наша опора – Александр Викторович*****. Я с Финой передал Л. К. только что вышедшие «Письмена»*****. Л. К. просила передать спасибо. Спустились на улицу, на подмостках – ковер. За веревками – довольно много людей, пришедших на литературное торжество, впереди дети, за ними их родители и даже деды и бабушки, и все – читатели Корнея Чуковского. Чувствуется, что знают только его стихи для детей, вряд ли им известен талантливый и острый критик, переводчик, литературовед. Л. К. мне как-то сказала, что Бродский***** в беседе с ней ругал переводы К. И. стихов Уитмена, предпочитая переводы, сделанные Бальмонтом. Я так не думаю. Переводы К. И. и по языку строже бальмонтских, и самый стих вольней, мужественнее. Все выступали хорошо, не банально. Особенно мне понравились речи Корнилова, Коли Панченко***** и ученого (фамилию не расслышал) заместителя Д.С. Лихачева по возглавлению Фонда культуры. Спускаясь по покрытым ковром двум ступенькам, я упал, у меня теперь часто при таких спусках темнеет в глазах. Настроение испортилось, в дом после митинга я не зашел, уехал с Павликом и Мариной Катаевыми*****.

* Владимир Корнилов (1928-2002) и его жена Лара. <http://www.peremenu.ru/blog/15337>

** Калерия Николаевна Озерова (1918-2012), бывшая жена Зиновия Самойловича Паперного (1919-1996).

*** Фина (Руфина Солдатова), жена Александра Солдатова, советского посла в Англии.

**** Лидия Корнеевна Чуковская (1907-1996). <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=106>

***** Александр Викторович Недоступ, врач-кардиолог.

***** С.И. Липкин. Письмена. – М. 1991.

***** Иосиф Бродский (1940-1996). Предпочтение переводам Бальмонта перед переводами Чуковского отдавал и Александр Блок.

***** Поэт Николай Панченко (1924-2005).

***** Павел Катаев, сын Валентина Катаева, его жена Марина.

1.4.92

Был у Яши в 28-й больнице в Лефортове. Это хорошая больница, она чище, чем та, где мне удаляли аденому. У Яши непростая операция – удаление некоего нароста на мочевом пузыре, а что за нарост – никто не может объяснить. Это Яше в известной мере помогло, операцию решил произвести генерал из соседней клиники им. Бурденко. Фамилия генерала Брюсов. Родственник? Он оказался искусным хирургом, удалил необычную по своей величине кисту. Яша несчастный человек. Он вовсе не глуп, но лишен таланта. Беда не велика, но вместо одержимости талантом он одержим тщеславием, а ему нечем накормить этого зверя, который гложет его изнутри. Стихи он пишет плохо, учился неважно, хотя способности у него выше средних, но бездельник. Теперь, после нашей экономической революции, у него осталось три козыря: папа, мама, Оля (жена). Других козырей нет, и жаль его, очень жаль, даже ругаться не хочется.

10.5.92

Стало распространенной истиной, что русская литература в Октябре 1917 года положила начало новому миру – и не только в России. Так думали и думают наши интеллигенты, и правые, и левые, так думали и думают корифеи Запада, вроде Барбюса, Ромен Роллана, Шоу, Драйзера. Это – ошибка, весьма простительная для всех нас, для людей с узким воображением, непростительная для философа, для историка. Можно (хотя это и святотатство) согласиться с тем, что новый мир возникает при посредстве массовых арестов, убийств, депортации народов, геноцида, но нельзя и в черном сне придумать, что новый мир – это коммунальные квартиры с семьюдесятью задами на одно очко, это запрет продавать изделия своего труда, это миллионы бездельников, живущих за счет полубездельников, это безумие экономики, это узаконенный порядок сумасшедшего дома. Нет, старый мир не кончился в октябре 1917 года, когда было разогнано учредительное собрание, когда караул устал, когда началось время временного правительства, когда белая гвардия была разгромлена под Орлом, когда церковь была уничтожена или протитуировала. События 1917 года

всего лишь момент, хотя и значительный, в истории человечества. Ошибочно полагать, что планетарный рубеж двух тысячелетий определяется русской революцией 1917 года. Эта революция началась внутри своей эпохи. Линию планетарного рубежа ведут нарезом по человеческому сознанию нынешние годы распада сталинской империи полумира, простиравшейся до Восточного Берлина, Пхеньяна и Пекина. В новом тысячелетии историки будут рассматривать девяностые годы двадцатого века как замечательную веху, такую же грандиозную, как век великого переселения народов. Новый мир начался не потому, что мы его построили, а потому что рухнул старый. На то была не наша воля, а Божья. Вслед за империями Ассирии, Вавилона, Александра Македонского, Августа, Ксеркса, Чингиз-хана умерла, должна была умереть империя Сталина, и как предыдущие империи, она умерла не в один день, ее смерть длилась 40 лет, что весьма недолго. А мы начали жить в эпоху, когда на Востоке возникла Византия, на Западе – германские и кельтские мощные государства, а на полудиком пути из варяг в греки должно возникнуть нечто необыкновенное. Это всего лишь метафора, но правда.

11.5.1992

Меня взволновала замечательно умная статья Рассадина* о новом направлении советской поэзии – о паразитирующем. Современные стихотворцы пародируют государственные максимы знаменитых наших доперестроечных поэтов. Делается это так, что тень становится больше предмета, остро цитирует Рассадин Евг. Шварца. Читая Рассадина, я подумал вот о чем. Государственные поэты были вовсе не глупы, они дело делали, в то время как их нынешние свободолюбивые собратья хихикают на капустниках. В годы Великой Отечественной войны вся страна пела стихи Исаковского, Фатьянова. Долматовского, Ошанина, Матусовского. Были ли эти песни поэзией? Конечно, нет, но они толково заменяли поэзию, как толково на продуктовых карточках талоны на мясо заменялись яичным порошком. Конечно, были песни глу-

---

* Станислав Рассадин (1933-2012).

пые, неудачные, но они не делали погоду. Главное в знаменитых песнях была толковость. Возьмем самую знаменитую:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, морей и рек.

Все правильно. Страна широка, попробуй с этим поспорить Гитлер или Черчилль. В ней действительно много лесов, морей и рек. Все абсолютно точно. Представим себе, что первая строчка звучала бы так: «Широка страна моя Сахара». Ложь! Нет в Сахаре лесов, полей и рек. Серьезные люди работали всерьез. Некоторые хотят противопоставить этим серьезнейшим людям капустника Пригова. Не получается. Пригов не серьезен. Он легко, запросто может сказать: широка страна моя Сахара. Зная, как грамотно пишется популярное в народе слово, он притворяется, что можно написать «милисанер». Нет ничего общего между Приговым и образованным Олейниковым. Олейников знает, что человек мужской особи не может быть влюблен в муху. А разве красавец Ставрогин мог быть влюблен в хромоножку не первой молодости? Есть тому объяснение? Что же, у Олейникова есть серьезное объяснение:

Я муху когда-то любил,
Давно это было, друзья.
Когда еще молод я был,
Когда еще молод был я.

Олейников просит (не всех, а друзей, близких) учесть его молодость, неопытность, дважды для убедительности ссылается на свои совсем незрелые годы (давно это было). Да, полюбил муху. Но молод был, глуп, даже, наверное, девственен. У Пригова такого признания не найдешь.

Когда Пригов, уже зрелый, осмеивает советскую действительность, он это делает как конферансье, который получил заранее разрешение главреперткома. Другое дело Олейников. Он прозорливо видит гибельность революции для всех, для победителей и побежденных.

Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.

Все гибнут. Олейников поэт гибели. Это вам не конференс из образцовского «Обыкновенного концерта».

Мандельштам как-то сказал, что поэзия есть сознание своей правоты. Таков и Олейников. У него есть соперник. Но Олейников скажет, что соперник плох, а Олейников хорош. Вот он обращается к любимой с дельным советом:

Разлюбите его, разлюбите,
Полюбите меня, полюбите.

У кого-то я прочел, что Пригов и Рубинштейн продолжатели Игната Лебядкина. Это неверно. Игнат простодушен, откровенен, благодушен, никогда не играет. Он, в отличие от Пригова и Рубинштейна, не знает больше, чем он высказывает. Он не обезьянничает, не шутит (никогда не шутит), он сообщает факты, ему необходимые. Он несколько старомоден, но только потому что плохо знает новейшую технику стиха. Выражение «Писаная красавица вывихнула ножку» он приносит без юмора, ни Боже мой, так:

Краса красот сломала член,

И дальше робкий, втайне трепетный комплимент:

И вдвое интересней стала.

Дальнейшие две строки подсказала ему простая арифметика:

И вдвое сделался влюблен
Влюбленный уж немало.

(Замена ё на е часто встречается у самых прославленных современников Лебядкина.) Как и некоторые нынешние не нюхавшие пороха участники войны, Лебядкин любит прихвастнуть

(иди проверь), но он, «по Севастополю безрукий», в самом деле участвовал как интендант в севастопольской кампании, точно так же награды летчика получил корреспондент газеты «Крылья Советов», не имевший ни одного боевого вылета.

Пригов и Рубинштейн (и другие, коих не знаю) притворяются, что не владеют стихом, хотя, не будучи поэтами, владеют им достаточно умело. Вот Лебядкин, действительно, совершает недопустимые промахи ритма и метра, но как поэтична его душа:

И порхает звезда на коне (прелесть)
В хороводе других амазонок,
Улыбается с лошади мне
Аристократический ребенок.

Многие думают, что современное стихотворство, хотя и уступает, скажем, серебряному веку, технически держится высоко. Если простодушие, безыскусственность, лиризм, чистота и глубина чувства суть признаки истинной поэзии, то далеко нынешним авангардистам до Игната Лебядкина.

25.5.92

В «Известиях» перепечатано из черносотенной газетки заявление архиепископа Московского и Каширского Лазаря (еретического), направленное против Патриарха Московского и всея Руси Алексия II*. Лазарь считает, что русская церковь опозорена тем, что во главе ее встали нерусские люди и по духу, и по национальности (Алексий в миру – А.М. Редигер, по происхождению эстонский немец). Алексий II выступил в Нью-Йорке на встрече с раввинами. Наш Лазарь возмущен. «Создается впечатление, – пишет он в прокуратуру РФ, – что выступал не Патриарх Православной Церкви, а раввин синагоги». Между тем Алексий II произнес слова замечательные по их глубине и яркости. Он сказал: «Мы едины с иудеями, не отказываясь от христианства, а иудеи едины с нами не вопреки иудейству, а во имя и в силу истинного иудейства. Мы потому отделены от иудейства, что мы еще не вполне христиане (чудесно сказано),

* Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси (1929-2008).

а иудеи отделиваются от нас, потому что они не вполне иудеи. Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, а полнота иудейства – есть христианство».

Прекрасна экуменическая сила этих слов. Несмотря на то, что иудеев от христиан отделяет могучая преграда – понятие триединого Бога.

19.6.92

Мы с Инной летели в Бостон на Ахматовские чтения. После остановки в Брюсселе к нам подсел мужчина лет пятидесяти, подвыпивший, довольный собой крепыш. Он сказал мне что-то по-английски. Я ответил, что кое-как говорю по-немецки. Он с радостью перешел на немецкий. Оказалось, он владелец пивоваренного завода, летит в Америку в связи с бизнесом. Я спросил, валлонец он или фламандец. Он воскликнул: «Неужели меня можно принять за грязного валлонца?». Я возразил, что валлонцами, видимо, были Шарль де Костер, Метерлинк, Верхарн, ведь они писали по-французски. «Да, к сожалению по-французски, но они истинные фламандцы». «А какие недостатки у валлонцев?» «Грязные, ленивые свиньи, висят на шее у фламандцев». Что произошло в Европе? Голландцы католики ненавидят своих и английских протестантов, католики хорваты – православных сербов, шотландцы напрочь отделяются от англичан. Можно ответить так. В просвещенной Европе, наименьшем из материков, в 18-м веке родилась идея антицерковная. Победила, но удовлетворения людям не принесла. В 19-м веке победила идея демократии, свободы, а счастья все нет. В первом двадцатилетии двадцатого века в ответ на октябрьский переворот в России родилась идея националистического социализма. Она победила сперва в Италии, потом в Германии, очаровала многих французов, а также англичан. Повесив Муссолини и заставив отравиться Гитлера, Сталин, их победитель, стал их последователем. Но как утвердить националистический социализм в многонациональной стране, где русских только половина населения, да и сам он, Сталин, нерусский? Вождь решил неторопливо производить опыты. Сначала на народах, мало известных – на мусульманских гор-

цах Северного Кавказа, татарах в Крыму, буддийцах-калмыках. Подверг их геноциду. Сошло с рук. Еще раньше – на поволжских немцах. Мы не слышали, чтобы на ассамблее ООН хоть один турок, перс, пакистанец, индеец, китаец и т. д. выступил в защиту единоверцев. Сталин осмелел, решил уничтожить евреев, как это до него делали испанцы, запорожцы, немцы. В ответ кто-то на Западе пискнул – и только. Смерть Сталина спасла от поголовной гибели советских евреев. Надолго ли? После августовского путча в России провозглашена идея демократии. Но она бессильна по сравнению с национальной идеей угнетенных народов, а угнетены были все, начиная с русских. Конечно, великая, бессмертная Россия очистится от националистической заразы, но очистится собственной кровью.

24.7.92

Рассказ Огнева. К нему в Литфонд пришли знаменитые обитатели переделкинских дач – Евтушенко, Вознесенский, Битов, Можаяев, кто-то еще плюс Поженян. Потребовали, чтобы дачи навечно закрепили за ними, а они дают два миллиона на нужды Литфонда. Огнев ответил, что еще при Сталине дачи в Переделкине отданы писателям в аренду на 3 года, что отнимали дачи только у репрессированных, взамен устраивали других, что дачи – не их собственность, а собственность всех членов Литфонда, что эти 90 дач стоят каждая по 2-3 миллиона, а те, что размещены на трех гектарах, и того больше. По словам Огнева, Битов и Вознесенский сидели, потупив голову, Евтушенко наступал: «Весь мир идет к приватизации, а вы...». Поженян угрожал: «Помни, что в этом случае Евтушенко и Солоухин лягут в одну кровать. У них есть ход к Ельцину и Гайдару. Ты в Литфонде не останешься». Я чувствую, что Огнев напуган. Еще бы, потерять такое место. А демократы каковы? На второй день я вышел после обеда из столовой. Увидел перед домом творчества кучки оживленно беседующих людей. До меня от одной кучки донесся обрывок фразы: «Пожизненное владение с правом наследования». Я увидел лица из мира теней: вислоухого Сартакова, сильно поседевшего Кешокова, Мишку Алексеева, и неожиданно среди них Вознесенского. Стало

понятно, что в зале дома происходило собрание будущих домовладельцев. Когда дело идет о собственности (ее захвате), все ложатся в одну постель.

23.8.92

Царь-освободитель, генсек-освободитель... В этих людях, столь разных, есть и общее. Александр II совершил грандиозное: дал волю крестьянам, то есть освободил почти все население России от жестокого, унижительного рабства, двинул Россию далеко вперед, создав пореформенное управление. И Горбачев совершил грандиозное: в государстве, чьей основой была идеология тоталитаризма, разрушил идеологию. Понимал ли он, что тем самым разрушает само государство? Вряд ли. И Александр II, и Горбачев были детьми своего государства. Следует сказать, что как ни отвратительна была романовская империя, о чем, начиная с Радищева, писали лучшие русские люди, эта империя была сущим раем по сравнению с большевистской фашистской империей зла. Империя Романовых обрекла десятки, сотни тысяч людей на голодное, нищее существование, но она вовсе не хотела, чтобы люди были голодными и нищими. Империя Романовых убивала – не сотни тысяч, а тысячи людей, но она вовсе не хотела их убивать. Будь империя Романовых умнее, дальновиднее, а она могла бы ею быть, тому свидетельство дней Александровых прекрасное начало, Сперанский, потом Столыпин, эта империя могла бы долго и прекрасно существовать. Другое дело империя советская. Без ею организованного голода, без концлагерей, она существовать не могла бы. Романовская империя была создана на вполне в те времена разумных основаниях. Советская империя с первого дня своего рождения была основана на безумии: на ликвидации частной собственности, на запрете права человека свободно продавать свой труд. Советская империя была так же враждебна человеку, как чума, холера, всемирный потоп. Для того, чтобы существовать, советская империя должны была, вынуждена была уничтожить миллионы людей, одновременно превращая другие оставшиеся миллионы в грамотных животных. Сначала люди уничтожались по классовому признаку, а когда эта возможность была исчерпана, стали люди

уничтожаться по признаку расовому. Но если классовое поле было обширным – сначала помещики, капиталисты, духовенство, мелкая буржуазия, потом – крестьянство, потом (поле все сужалось) партийная оппозиция, ленинский аппарат, военные... Все. Кого убивать дальше? А не убивать нельзя, государство потеряешь. Перешли к убийствам на расовой основе. Но если убивать, то надо убивать десятки миллионов, хорошо бы сотни миллионов. А что дало расовое преследование? Несколько миллионов уничтоженных кавказских горцев, калмыков, крымских татар, поволжских немцев. Мелко. Но есть испытанный источник: евреи. Но тоже мало: несколько миллионов. А убивать надо, надо, ведь сотни миллионов живут там, в свободном мире. Послесталинская эпоха, скажем, брежневская, была вовсе не эпохой застоя. Как ленинский нэп был временной передышкой между прежними и готовящимися убийствами, так послесталинская империя была временной передышкой между прежними убийствами миллионов и готовящейся термоядерной войной. Горбачев видел только одну сторону этого периода – материальное оскудение тоталитарного государства. Крестьянский сын, он решил, что дело можно поправить, что можно хозяйствовать по-иному. Нет, нельзя хозяйничать по-иному в большевистском государстве. Другой крестьянский сын, Хрущев, пытался кое-что поправить, но потерпел поражение.

5. 6.93

Многое можно понять, проникая в науки, –
Дальние звезды и давние знаки и звуки,
То, что возникнет в грядущем, и то, что мертво.
Непостижимо лишь то, что нам ближе всего.

Переделкино

7.4.93

Серебряный век русской литературы начался, как и полагается, в 1900 году и кончился убийством Гумилева и смертью Блока в 1921 г. Почему же этот век не золотой? Разве в Серебряном не жили великие писатели? Вот они (по алфавиту): Анненский,

Ахматова, Блок, Бунин, Горький, Мандельштам, Пастернак, Ходасевич. А если к ним прибавить бессмертных, для нас третьестепенных, недостижимых – Волошина, Гумилева, Есенина, Заболоцкого, Вячеслава Иванова, Клюева, Кузьмина, Куприна, Маяковского, Сологуба, Хлебникова, Цветаеву, – то бесспорно, эти двадцать с лишним лет сияют драгоценным серебром. Почему же не золотом? Потому что в Серебряном веке не было писателей, равных библейским пророкам, не было Пушкина, Тютчева, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова.

Произошла революция, в стране утвердились те, кто сами себя называли социально близкими вора и убийцам. Так что же, иссяк русский гений в словесности? О нет, и на родине, и за рубежом возникли писатели, среди которых мы можем назвать великими Бабеля, Бродского, Булгакова, Гроссмана, Заболоцкого, Замятина, Зощенко, Набокова, Платонова, Солженицына, Шолохова («Тихий Дон»), опять же, прибавим к ним славные прочие имена Аксенова, Алданова, Астафьева, Багрицкого, Белова, Владимова, Войновича, Газданова, Вен. Ерофеева, Искандера, Катаева, Кублановского, Кушнера, Лиснянской, Малышкина, Можяева, Олеси, Пильняка, Распутина, Самойлова, Седаковой, Слуцкого, Соколова, Тарковского, Твардовского, Чухонцева, Шварц, – и увидим: значительная литература после революции у нас была и есть*.

13.4.93

Неожиданно мне прислали «Еврейский журнал»**. Много интересного. Интересны не столько размышления, сколько факты. Например, рассказ о бароне Унгерне, о том, как по его приказу убили в Угре (Улан-Баторе) немногочисленных евреев, которых добродушные монголы не отличали от русских, называли их хара-орос, черными русскими, в отличие от цыгана-орос, белых русских. От убийцы-барона несколько евреев спрятали ламы

* Семен Израилевич постоянно составлял списки первостепенных, второстепенных и третьестепенных писателей, понятно, ни себя, ни маму он даже в третьестепенные не заносил. Когда мама написала повесть про Арсения Тарковского, Семен Израилевич удивился, что столько можно сказать о нем. «Поэт хороший, но будут ли его читать в XXI веке?»

** http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/evrejsky_zhurnal_1993_1_text.pdf

в буддийский монастырь, а человек 11 укрыл нойон (князь) Тогтохо-гуна в Бейшине, в древней фанзе. Старый князь пользовался огромным уважением в родном городе. Дом Тогтохо-гуна обладал неприкосновенностью. Но полковнику Сипайло, назначенному Унгерном комендантом Урги, удалось перехитрить почтенного старца-нойона, и 11 евреев были убиты. Буряты и калмыки, два наших монголоязычных народа, исповедующих буддизм, никогда не относились к евреям враждебно, они вообще не относились враждебно к какой-либо нации.

Впрочем, мне запомнился такой случай. В начале семидесятых мы с Инной находились в Улан-Удэ. Я возвращался в гостиницу из радиокомитета, где читал для слушателей главу из своего перевода бурятского национального эпоса «Гэсер». Когда я поднимался по лестнице в наш номер, мне навстречу попался бурят лет сорока. Он крикнул мне: «Жд вонючий». Знал ли он меня? Знал ли, что я удостоен звания заслуженного деятеля искусств Бурятии, – и разозлился? Или этот обладающий человеческим обликом постоялец был перевоплощением шул-муса-дьявола?

В том же номере «Еврейского журнала» помещено несколько эссе нашего дорого Юры Карабчиевского^{***}. Когда мы познакомились с неизвестными нам прежде «метропольцами», нам особенно понравились Юра Карабчиевский и Леня Баткин^{****}. От них веяло несоветской чистотой и необычной силой духа. С Юрой мы крепко подружились, он стал у нас часто бывать, и каждое его посещение в те трудные годы было для нас

---

^{***} Юрий Карабчиевский (14 октября 1938 – 30 июля 1992). Из маминого письма 8 августа 1992 года: «Бедный Юрочка Карабчиевский! Не выдержал жизни. Отравился. Нет больше добрейшего, честного Карабчиевского. Его похоронили как раз в тот день, когда ты мне звонила 2-й раз. Но я не решилась тебе об этом сказать, понимая, что ты, вернувшись домой, все равно узнаешь об этом горе». Мы очень дружили с Юрой. Он отговаривал меня уезжать. Как-то мы шли с ним в шесть утра по темному заплеванному переходу в Бутаково, и я ему говорю, Юр, ну разве все это не давит, а он: я этого просто не вижу, а я ему – но я-то вижу, а он мне – тогда уезжай. А потом и он уехал. Помню, опять же шесть утра, только теперь в Иерусалиме, я еду в автобусе и вижу Юру с собачкой у афиши, смотрит растерянно на ивритские буквы. И вспомнились его слова: «Свобода там, где нет меня, а там, где я, всегда неволя». Это писал Юра в 1986 году. Прошло шесть лет, и время его застыло. Застывшая масса не-растраченного времени.

^{****} Леонид Баткин, 1932 г. р., известный литературовед, культуролог.

радостным, праздничным. Жестокою таинственностью его смерти понять невозможно.

В одном из своих эссе Карабчиевский со свойственной ему искренностью пишет о стенах Кремля: «Вдруг впервые в жизни представил себе явственно, что в промежутке между зубцами льют смолу и кипятки на татарско-печенегских захватчиков наши добрые в красных кафтанах молодцы... Я почувствовал, что столь важное понятие «Россия» ограничено для меня временем и системой знаков. И вот эти, лившие кипятки и смолу, явно не мои, чужие предки, и не чувствую я по отношению к ним никакого сродства, ни особой жалости, ни особой гордости. Они мне не ближе и важны, интересны, не более, чем какие-нибудь саксы, защищавшие Англию от десанта норманов».

Эти значительные слова друга и умного, талантливого писателя, заставили меня задуматься. Вряд ли лили смолу и кипятки на печенегов (то есть половцев, кара-калпаков). Как известно, половцы были союзниками русских на священном Куликовом поле. Но дело не в этом – мои ли предки древние русские люди, – и князья, и жрецы Перуна, и православные пастыри, и молодцы в красных кафтанах? Честно говорю себе: «Да, мои это предки». Русь может отказаться от меня, но я не могу, не в силах отказаться от Руси – и допетровской, и после петровской, и от советской, и после советской. Может, под пытками сдамся, откажусь, но сердцем и помыслом я потомок русских предков, моих, да, моих предков.

И дальше пишет наш необыкновенный друг Юра: «Показывают мне крепость Масада, где наши будто бы общие с ними предки почти две тысячи лет назад три года защищались от римских захватчиков. Скала шестьсот метров в длину, пятьсот в высоту. Три часа подниматься, если пешком, час спускаться. Девятьсот человек моих предков против десятков тысяч римлян. А когда стало ясно, что те все равно их захватят и распнут мужчин на крестах, и детей отдадут в рабство, а женщин солдатам, они разделились на десятки и бросили жребий, и кому выпало, тот заколол остальных, а потом оставшиеся сделали так же. И последний сам покончил с собой. И когда ворвались римляне в крепость, то не нашли ни одного живого.

Вот такая вышла победа. И я стоял на огромной скале, и представлял себе тех людей, героически убивавших своих детей и родителей, и грешно сказать, но и к ним тоже не чувствовал никакого сродства, и не верил, что они хоть в каких-то своих чертах могут иметь ко мне отношение».

А я в Израиле чувствовал себя иначе. Мои эти камни, и самые древние, и римские, и греческие, моя это Стена Плача, где я помолился так, как вспомнил. Мои это предки – царь Давид и покоящаяся в десяти минутах ходьбы от его трехтысячелетней могилы Мариам – Мария, мать Божья, моя, ибо все матери-богородицы, родившие нас, подобий Божьих, и мой предок Иошуа, последний из великих иудейских пророков, распятый язычниками на кресте на Голгофе, и моя улица Зеева, названная так в честь моего земляка, Зеева Жаботинского, чье имя, в метрике, было, наверное, Вольф, – на идиш – волк, а зеев – волк на иврите.

Как же так, и Москва моя, и Иерусалим – мой. Есть ли в этом противоречие, более того – бессмыслица? Не знаю. Знаю одно – так я чувствую всем своим существом, не только духом, но и плотью. Нет ни одного мгновения в моей сознательной жизни, когда бы я не чувствовал себя евреем, и нет ни одного мгновения, когда бы я себя не чувствовал русским. Нет ни одного мгновения в еврейской истории, которое не было бы моей историей – от праотца Авраама и Сарры-праматери – до нынешних переговоров Рабина с Арафатом. Нет ни одного мгновения русской истории – от призвания варягов в ту страну, которая велика и обильна, но порядка в ней нет, до президентства Ельцина в моей России, которая велика и обильна, но порядка в ней по-прежнему нет. А что касается героев Масады, разве они не пожертвовали своей жизнью, сопротивляясь тем захватчикам, которые убили Христа из дома Давидова?

Поскольку зашла речь о предках, нельзя не назвать Ломоносова. Моя жизнь – это поэзия, а без Ломоносова не было бы меня и других таких же третьестепенных поэтов, не говоря уже о первостепенных и великих. Известно, что петровские преобразования приобщили Россию к европейскому просвещению. Благодаря могущественному гению холмогорского мужика Россия за одно-два столетия совершила то, на что Европе понадобились

века. Недаром один из важных законов физики называется законом Ломоносова-Лавуазье. Преобразованной России понадобились не только физика, математика, химия («Неправо о вещах те думают, Шувалов, / Которые Стекло чтут ниже Минералов»). Сам Бог судил России выразить себя в изящной словесности. Ритм и метрика изумительных русских былин остались во временах допетровских. Впоследствии ученые установят связь этих былин с фольклором монголов и татар. Выражение «Буй-Тур-Всеволод» означает, что Всеволод был баем, то есть дворянином, и туром – от тюркского тюря, свободный воин, странствующий рыцарь, неподвластный его зерему*. Не трудно найти и более глубокие признаки родства наших былин с монгольским и тюркским эпосом. Россия уже чувствовала, что ее лирическим излияниям тесно в старых мехах былин, что у нее есть характеры не менее сложные, чем характеры Шекспира, Корнеля, Расина, Клопштока. России стали нужны не только точные науки, не только более гибкий административный аппарат, но и новая версификация. Попытки в этой области Стефана Прокоповича, Симеона Полоцкого не дали желанных результатов. Вплоть до Кантемира они брали за основу достижения польской поэтики, поскольку поляки и русские одного славянского корня. Они не приняли в расчет того, что в польском языке имеется стабильное ударение на предпоследнем слоге, в русском языке такого стабильного ударения нет, поэтому силлабика ему непригодна, не только французская, но и польская. Тщетно искать музыку в силлабических опытах Кантемира: «Уме незрелый, плод недолгой науки! / Покойся, не понуждай к перу мои руки...». Но вот гениальный Ломоносов и заодно с ним даровитый, трудолюбивый Тредьяковский – первыми поняли, что мы должны основываться на немецком каноническом стихе, но, так как у нас все же не такая беглость ударения, как в немецком, то мы при топике должны соблюдать определенное количество слогов. Величайшее открытие! Хотинская ода Ломоносова дала начало всей бессмертной, всемирного значения русской поэзии, да и прозе, потому что без поэм Пушкина, а потом Лермонтова, без широкообъемлющей лирики Тютчева, и потом

* Зерем, зерема, в древнеславянском – угодня, место обитания бобров.

Некрасова, у нас не родились бы Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов. И смотрю я на них, как рядовой русский человек смотрит на башни Кремля, рядовой израильтятин – на скалы Масады и на Стену Плача. Русские писатели – мои предки, я один из рядовых, у меня с ними кровное родство. Гражданину русской литературы, мне не нужно двойное гражданство.

30.6.93

Загадка человека**

Всю жизнь, начиная с детских лет, я читаю библию, оба Завета, и каждый раз нахожу нечто новое, мысль, простейшим образом высказанную, которую раньше не замечал, не задумывался над ней. Например, такую: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своем» (Бытие, глава 2, 6). Значит, Бог может раскаиваться, как и мы, смертные, значит, Бог допускает, что способен допустить ошибку?

Фразу «Бог создал человека по образу и подобию своему» надо понимать буквально. Не только по образу, но и по подобию. Бога видели в лицо Адам, Ева, Авель, Каин, Авраам. И нигде не говорится, что Он чувствовал себя так, как лилипуты перед Гулливером. Таков образ. А подобие: Он, как и мы, раскаивается, ошибается, сердится, как и мы, Он полон противоречий, как и мы, плачет, как и мы, и, отдыхая, «прогуливается в прохладе дня». Он обещает Каину, что оградит его, братоубийцу, от покушения «встречного» на его жизнь. (Кстати, кто этот «встречный»?) Ведь на Земле Ирода и Адама, Евы, Каина и его названной сестрицы, будущей сестры Каина, не было тогда людей. Речь идет о льве, о тигре? И так, братоубийце Бог даровал жизнь, а (?) которые были злы и греховны и захотели даже совокупиться с ангелами, зашедшими в дом Лота, самозащитались (?), но никого не убивали, содомян Бог истребил поголовно, «пролил на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих» (Бытие, глава 19, 24 и 25).

** Липкин С. Загадка человека // Литературная газета. 1993, 24 ноября, № 47, с. 3; И.И. Плеханова. История как единство человеческого бытия вопреки смерти (поэтическая философия С. Липкина).

Я веду к тому, что человек загадочен, как и Бог, по образу и подобию своему создавший человека. Наука предполагает, что человек произошел от обезьяны, что его дальние предтечи – питекантропы. А почему не допустить, что на земле произошло нечто страшное, в результате чего созданный Богом из земли человек превратился в обезьяну, питекантропа? Имея важную цель – познать Бога и сотворенный Им мир, идя к этой цели, наука постоянно ошибается. Коперник и Галилей поправили Птолемея, Эйнштейн поправил Коперника и Галилея, Лобачевский – Эвклида, еще поправят и Эйнштейна, и Лобачевского, все переменится, останется непреложное: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Бытие, глава 2, 7). «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и птиц небесных» (Бытие, глава 3, 1).

Кто был змей? Дьявол? Зачем же Бог создал дьявола? Впрочем, быть хитрее всех зверей полевых еще не означает, что змей – властитель ада. Лиса тоже фольклорный хитрец, но она не дьявол. Допустим, однако, что змей и вправду дьявол, и Бог создал его для того, чтобы тот открыл людям добро и зло. Почему Бог не сделал это сам, а избрал такого подлого, свирепого посредника? Конечно, пути Бога неисповедимы, но, может быть, то была ошибка Бога, и, создавая змея, Он не предполагал, что создает дьявола? Бог не заметил змея, беседующего с Адамом и Евой, потому что «прогуливался в прохладе дня» (Бытие, глава 3, 8). Не заметил? Но это противоречит словам пророка Иеремии: «Разве может человек укрыться так, чтобы Я его не увидел, говорит Господь, ведь небо и земля переполнены Мною» (Иеремия, 23, 23-24). Переполнены – значит, Он был и в том уголке рая, где змей искушал Адама и Еву. Еще одно противоречие, свойственное и подобию Божьему – человеку. Каин взял в жены сестру свою. От этого кровосмесительного брака произошли все люди, жившие до потопа, а среди них – и спасенный Ной, и его присные, от которых произошли мы. Значит, мы потомки Каина. Но разве он был только братоубийцей? Он любил Бога, ревновал Его, потому что ему казалось, что Бог с большой лаской принимает жертвоприношения Аве-

ля. И мы, потомки Каина, такие же, как наш предок: и любим Бога, и убиваем Его созданыя.

Когда Бог посоветовал Адаму и Еве вкусить плоды, запрещенные Богом, дьявольское начало змея открывается нам вот в каких словах: «Вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Бытие, глава 3, 5). В еврейском письме, как и в арабском, нет строчных букв, русская библия предлагает нам прочесть слово «боги» с маленькой буквой. Не означает ли это, что змей соблазняет людей язычеством, которым евреи не раз соблазнялись в древности, да в поздние времена, например, злоучением социализма. Странно, что Бог, разгневанный поступком Адама и Евы, говорит: «Вот Адам стал как один из нас, зная добро и зло» (Бытие, глава 3, 22), что Господь имел в виду, произнеся «из нас»? То, что их, собеседников, трое – Он, Адам и Ева? Или то, что кроме него есть другие боги? Или что он, Бог, троичен? (В русской Библии слово «нас» пишется с большой буквы.) Вот еще одно признание Бога в том, что он ошибся. И потом исправил ошибку. Он же не предугадал, что все человечество погрязнет в страшных грехах, и он, Всемилостивый, должен был подвергнуть все человечество, за исключением одной семьи, поголовному истреблению.

Потоп был, это подтверждается преданиями, бытовавшими и бытующими в самых отдаленных частях земли, например, у аборигов Америки. О потопе говорится и в Ассиро-Акадском эпосе «Гильгамеш», причем в этом месте текст почти дословно совпадает с библейским. Некоторые богословы не исключают, что допотопная цивилизация, цивилизация Каина, была очень высокой, во всяком случае, не ниже античной или нашей. Нам известно, что вавилонские жрецы имели представление об алгебре, дифференциалах и интегралах, то есть о том, о чем не догадывались греки, остановившиеся на геометрии.

Мы немало сделали для того, чтобы огорчить Господа Бога, чтобы он воскорбел в сердце своем. Может, и наша цивилизация исчезнет, и ее будут называть, допустим, доядерной. Бог от нас требует малого: жить друг с другом в мире, исполнять Его заповеди, каяться в своих ошибках и молиться Ему. Посмотрите, как Он милостив к нам. Выше уже говорилось, что все мы, через Ноя,

происходим от кровосмесительного брака, но Бог не наказывает нас за это. Он понимает, что у Каина не было другого выхода, как взять в жены свою сестру. Дочери Лота «напили своего отца в ту ночь, и вошла старшая, и спала с отцом своим» (Бытие, глава 19, 34). На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя. И родила старшая сына, и нарекла ему имя: Моав. Он отец Моавитян доньне (Бытие, глава 19, 34, 37). Еврей Хисон женился на моавитянке по имени Руфь. Ее потомок – царь Давид. А потомок Давида – Иисус Христос. И христиане, как и Бог, не видят ничего дурного в том, что Бог воплотился в человеке, произошедшем от второго кровосмесительного брака.

Я верующий, не богохульствую, когда говорю об ошибках, раскаяниях, противоречиях Бога. Бог – величайшая творческая личность вселенной, и Его ошибка – суть ошибка величайшего творца, Он есть истина, а к истине приходят путем ошибок и противоречий.

Таков, повторяю, и человек. Принято считать, что основное отличие человека от прочих живых существ – дар речи. Это не совсем верно. И попугай может что-то сказать, и немой Герасим был гораздо человечней своей говорящей барыни. Главное отличие человека от прочих живых существ, что он не только образ, но и подобие Бога: умеет творить, ошибаться и каяться в своих ошибках, умеет гневаться и быть милосердным, и при этом хорошо зная, что он, как того пожелал Господь, смертен, может в молодые годы пойти на смерть во имя торжества той мысли, которую считает правой. Как животные полевые и птицы небесные, человек ест, пьет, испражняется, совокупляется, но остается загадкой для самого себя. На протяжении тысячелетий человек пытается разгадать себя, мир, Бога. Наука, музыка, словесные и изобразительные искусства суть попытки человека разгадать свою загадку. Но и тут противоречия. Наука помогла человеку лучше понять мир, в котором он живет, проникнуть в великий замысел Бога, но наука, развиваясь, отравляет, губит поля, моря, леса и реки, и даже небесный покров, и, возможно, приведет к уничтожению всего живого. Все искусства помогают

человеку в его стремлении наверх, к Тому, чьим образом и подобием он является, но они же порождают лжемузыку, лжепоэзию, лжеискусство, которые, полные соблазна, отравляют душу человека. Можно ли отличить истинное от лживого? Очень трудно это сделать, но человеку это по силам.

В чем главное различие двух способов познать Бога – науки и искусства? Наука развивается, скажем, от понятия, что $1+1=2$ – к векторному исчислению, от возможности поехать верхом на осле или лошади – к полетам на другие планеты, от пращи – к ядерной бомбе. Искусство не знает развития, слепой Гомер на ослике или на лошадке, Лимонов летает с материка на материк в самолете, но он не только по таланту, он и по уму и образованности дикарь в сравнении с Гомером. Означает ли, что в искусстве не бывает ничего нового? То, что есть искусство, всегда ново, всегда впереди, всегда авангардно. В современной русской литературе во главе авангарда я вижу Солженицына и Бродского, потому что среди современных двух или трех десятков действительно талантливых русских писателей никто не равен этим двоим. Если развить примитивную мою метафору, то есть большое войско в тылу, есть авангард, состоящий двух или трех десятков отважных, а есть двое возглавляющих отважных.

Есть искусства, нуждающиеся в материале, меняющиеся вместе с изменением материала: живопись, скульптура, архитектура. Только самые старшие и самые долгоживущие из искусств – музыка и слово – не нуждаются в материале. Меняются их инструменты – вместо арфы, лиры, индийской вины – рукопись, а потом станок Гуттенберга, вместо пастушьей дудки – рояль, но суть остается прежней: разгадать загадку человека. В обыденной жизни устаревают способы труда, землепользования, передвижения. В искусстве нет устаревания. Все живут вместе – Махабхарата, Илиада, Гильгамеш, Библия, Данте, Шекспир, Пушкин, Рафаэль, Шагал. В искусстве с парохода современности ничего не надо сбрасывать, потому что на этом пароходе нет лишней кладки. Надвигается буря? Но искусство сильнее всех бурь. Что ему все бури, если создатели искусств – образ и подобие величайшего Создателя.

3.7.93

Идет война

Как нужно небо голубое
Земле, которая больна,
Мне нужен мир с самим собою,
А между тем идет война.

Она мне душу измотала,
Развалин множатся места,
То высшее сильней начало,
То низменная суета.

Покуда бой не умолкает,
Как новобранец, не пойму:
Противник, что ли, наступает,
Иль гибель я несу ему.

8.7.93

Дневник Семена Липкина хранится в отделе редких книг и рукописей
библиотеки им. Хесбурга, Университет Нотр-Дам, США

